

Елена Глухова, Светлана Титаренко

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА К ПУБЛИКАЦИИ ПОЭМЫ

Поэма *Ars Mystica* непосредственно связана с кругом чтения и интеллектуального общения Вяч. Иванова в годы его обучения в Московском (1884–1886) и Берлинском (1886–1890) университетах.

Иванов на протяжении длительного времени не раз возвращался к поэме, неоднократно ее перерабатывая, однако издательская судьба ее сложилась печально: при жизни Вяч. Иванова она так и не была опубликована. В 1900-е гг. Иванов предпринимал попытки ее издания, но либо откладывал, либо не включал ее в число уже подготовленных сборников «Кормчие звезды» (1903) и «*Cor Ardens*» (1911). Например, о попытке издания поэмы в составе «Кормчих звезд» свидетельствует фрагмент списка произведений, которые предполагалось включить в состав книги лирики; список сохранился в материалах рукописного архива Иванова в ОР ИРЛИ в составе черновых набросков, где поэма «*Ars Mystica*» замыкает список¹, а также в записной книжке Вяч. Иванова. Здесь заглавие поэмы было несколько изменено и обозначено как «*Ars Mag*»². Можно предположить, что это, более позднее, изменение заглавия поэмы относится к 1900-м гг., когда Иванов, в свете своего увлечения оккультизмом, знакомится с трудами Раймонда Луллия. (Согласно сведениям, приводимым о Луллии В.С. Соловьевым, Луллий стремился создать особый метод или искусство, «посредством которого можно с разумной необходимостью вывести из общих понятий всякие истины, и прежде всего — истины христианского вероучения», поэтому свой метод он обозначал как *ars generalis, ars universalis, ars magna* и т. д.»³).

О более поздних этапах работы Иванова над поэмой свидетельствует фрагмент письма Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к М.М. Замятинной от 27 февраля 1906 г.⁴: «В<ячесла> в переписывает (наизусть) свою *Ars Mystica* — произведение еще Берл<инск>ого периода, но прекрасной формы, но ценного пафоса и мысли: история искусств с Греции беглым полетом через века к нам, и призыв к великой Революции, чтобы сделать его вселенским и соборным. В<ячесла> в хочет поместить свою *Ars M<ysti>ca* в сборник Свободная Совесть вместо статьи, которую они от него ждут. Вообще в нем начался переворот от теории к искусству. Ему невыносимо трудно раскататься на статью, и все сильнее и страстнее захватывает лирика и замыслы художественные + Относит от мелей Мережко-Бугае-Бердяе-Булгако-и пр. плоскословенства в свой изначальный океан. Так да будет!».

О других попытках переиздания поэмы, например, в составе книги лирики «*Cor Ardens*», свидетельствуют дневники Вяч. Иванова 1909 г. Например, в записи от 4 августа он признавался: «...я высшаяю вопрос о моей старой *Ars Mystica*, которую покушаюсь напечатать в своей книге — и понятно колеблюсь» (II, 782). Свой сомнение он объясняет 7 августа, когда пишет в дневнике: «Вопрос об *Ars Mystica* разрешил отрицательно вчера ночью». Далее в приписке на латыни сообщает: «*Tollo aeneum vas e medio quia melioribus iteris, onus mihi impones ferendi quod minus artum est ad organandum templum*» (II, 784), что в переводе с латинского означало «Удаляю сосуд бронзовый, ибо ты найдешь лучшие. Ты приказываешь мне принести то, что менее всего пригодно для украшения храма» (II, 841). Приписка важна для понимания того, что поэму было сложно включить в круг зрелых символистских книг лирики. Сомнения поэта могли быть вызваны тяжеловесностью ее витиеватого слога и, безусловно, ученическим характером произведения, поэтому, исходя из содержания сделанной им приписки, он удаляет «сосуд бронзовый», который менее всего пригоден «для украшения храма», каким он видит книгу лирики «*Cor Ardens*». Всего вероятнее, идеи поэмы были близки Вяч. Иванову — теоретику символизма, но самая форма поэмы с ее несколько условным риторическим стилем и витиеватым слогом была данью традиции, увлекшей молодого поэта в конце 1880-х гг.

Поэма «*Ars Mystica*» сохранилась в составе личного архива Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки в Москве (РО РГБ, ф. 109, к. 1, ед. хр. 38), где имеются две первоначальные авторские рукописные редакции текста: переписанный ясным почерком, с минимальной правкой автограф текста поэмы (л. 1–22) и одна из черновых редакций поэмы (л. 23–34), которая может рассматриваться в качестве чернового варианта по отношению к предыдущему (по-видимому, Иванов работал именно с этим текстом при переписывании набело). Поэма имеет авторскую датировку: с 8/20 февраля по 8/20 августа 1889 г.

К этапам работы над поэмой относятся и два черновых варианта, хранящиеся в РО ИРЛИ РАН⁵, которые в данной публикации нами не рассматриваются, но частично учитываются при комментировании текста.

С определенной долей осторожности можно было бы обозначить публикуемый автограф текста поэмы как «основную редакцию», однако мы не можем говорить определенно о том, какова была на самом деле окончательная авторская воля. Дело в том, что имеется еще несколько авторских правок⁶ и, в конечном счете, текст поэмы не был опубликован при жизни автора. Поэтому мы склонны

описывать публикуемую ниже редакцию как «условно» один из проработанных вариантов, и в данной публикации обозначаем его как «беловой вариант» текста.

Для удобства читателя можно было бы предложить следующую сводную таблицу известных нам вариантов поэм:

Местонахождение рукописи	Статус варианта
ОР РГБ	Ранний беловой вариант (РБВ)
ОР РГБ	Черновой вариант (ЧВ1)
ОР РГБ	Поздний беловой вариант (по сообщению Н. В. Котрелева) (ПБВ)
ОР ИРЛИ РАН	Два черновых варианта, более поздняя правка по отношению к РБВ (ЧВ2, ЧВ3)

Данный, «беловой вариант», написан каллиграфическим почерком на высококачественной бумаге, белой, очень плотной и лощеной; текст располагается на лицевой стороне листов, собранных в тетрадь. В данном варианте имеются отдельные пропуски строф, отмеченные многоточиями (которые могут быть восстановлены при обращении к «черновому варианту»), и незначительные зачеркивания отдельных строк синим карандашом (правка, внесенная позже, уже после переписывания «набело»). Текст был разделен автором на главы значками «*» — это значительно отличает данный вариант от автографа, хранящегося в ОР Пушкинского Дома, где главы четко обозначены римскими цифрами — их всего 15, тогда как в беловом варианте ОР РГБ текст условно делится на 17 частей.

Значительную трудность для работы исследователя представляют собой «черновой вариант» автографа, который написан мелким неразборчивым почерком на желтоватых листах, разрезанных в четверть листа из обычных для этой эпохи двойных больших листов писчей бумаги. Данный вариант не содержит графического деления на строфы; строфы нумеровались, как это было принято в античных подлинниках — через 5 строф, всего насчитывается 366 строф. Поскольку в данной публикации не преследуются цели академического издания поэмы, где обычно указывается на возможные различия и варианты, то данный, «черновой», вариант нами намеренно игнорируется (в противном случае для полноты описания процесса поэтапной авторской правки рукописи мы обязаны были бы использовать другие варианты поэмы, на которые уже указывалось выше).

В «беловом варианте» автографа поэмы Вячеслав Иванов намеренно выделяет заглавие «*Ars Mysterica*»: с большой буквы сохраняется в листе рукописи. Написание слов с заглавной буквы сохраняется и в позднейших дневниковых записях поэта, относящихся к 1909 г. (П, 782, 784).

У поэмы есть подзаголовки — «Послание (к А. М. Д-скому)», т. е. поэма была адресована Алексею Михайловичу Дмитриевскому (1865–1934), другу Вяч. И. Иванова по историко-филологическому факультету Московского университета, брату первой жены поэта — Дарьи Михайловны Дмитриевской. Мы предполагаем, что, публикуемый нами автограф «белового варианта» поэмы был переписан для публикации или ознакомления с ним А. М. Дмитриевского. Дмитриевский был первым читателем и критиком ранних произведений поэта. Именно ему были посвящены юношеские поэмы Вяч. Иванова, например, «Чайка» (1887), «*Laeta*» (1892) и др. Он был также первым критиком поэмы, о чем свидетельствует его неопубликованное письмо, озаглавленное «Несколько мыслей о «Послании» к Вяч. Иванову от 20 ноября 1889 г., содержащееся в архиве Вяч. Иванова⁷. Однако посвящение Дмитриевскому позднее было снято, например, в черновых вариантах недатированных автографов (ОР ИРЛИ) имеется подзаголовок «[*Ex Juvenilibus*]⁸», а само название графически выделено заглавными буквами: «*ARS MYSTICA*»⁹; кроме того, в более позднем ЧВ2 снимается и непосредственное обращение к адресату послания — ср.: «Прочти послание, гоня лукавый сон» (РБВ) — «И, внемля пенью рифм, гони лукавый сон» (ЧВ2). Вполне очевидно, что проблема изменения подзаголовка «Послание к Д-скому» была продиктована не только и не столько переработкой текста, сколько разрывом отношений с братом первой жены поэта.

Автограф поэмы 1889 г. из собрания ОР РГБ, предлагаемый вниманию читателя — это, конечно же, предварительная публикация, призванная заполнить лакуны, связанные с этапами становления раннего поэтического творчества Вячеслава Иванова. Именно в этой поэме в полной мере выразился авторский замысел начинающего поэта-мистика.

Примечания

- 1 ОР ИРЛИ РАН, ф. 607, № 203, л. 120 об.
- 2 ОР ИРЛИ РАН, ф. 607, № 202, л. 3 об.
- 3 *Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона*, т. 18, 1896, с. 248.
- 4 Благотарим Н. А. Богомолова за любезно предоставленный фрагмент письма из переписки Л. Д. Зиновьевой-Аннибал с М. М. Замятинной; сейчас

весь эпистолярный корпус будет опубликован Н.А. Богомоловым в *Toronto Slavic Quarterly*, 2008. Использовались материалы: РО РГБ, ф. 109, карт. 23, ед. хр. 16.

⁵ Это гораздо менее законченные черновые варианты поэмы, нежели представленный в данной публикации; кроме того, они не датированы и, возможно, представляют варианты доработки или переработки автографа 1889 г. (РО ИРЛИ РАН, ф. 607, № 1, б. д., 9 л.). Эти варианты текста поэмы записаны на двойных листах большого формата обычной писчей бумаги. Так как листы разрезаны по одному, что было сделано, по всей видимости, уже после работы над поэмой, порядок нумерации листов не совпадает с нумерацией глав поэмы; например, л. 6 — содержит следы правки первых строф поэмы, с незначительными разночтениями с «беловым вариантом» 1889 г. (ОР РГБ); а вот листы 1–9 (кроме л. 6) — могут рассматриваться как несомненно один из черновых вариантов поэмы. Благодарим Г.В. Обатнина за любезные консультации в работе над автографами поэмы из собрания Пушкинского Дома.

⁶ За любезное указание на одну из рукописей *Ars Mystica*, с которой нам, к сожалению, на данном этапе работы не удалось ознакомиться — приносим искреннюю благодарность Н.В. Котрелеву.

⁷ Письмо хранится: ОР РГБ, ф. 109, 18.4. л. 78–82 об.

⁸ «Из юношеских» (*лат.*).

⁹ РО ИРЛИ РАН, ф. 607, № 1, б. д. 9 л.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

ARS MYSTICA*

Послание
(к А.М. Д-скому)

Albi, sermonum nostrarum candidae index!
Horat. Epist. 1.4.1

[Л.1] Я с Музою стучусь, посредницей докучной?¹

Простив с улыбною забаве сладкозвучной,

Прочти послание, гоня лукавый сон,

Что, смысл темня, летит на рифм размерный звон.

Пусть древний скучен род эпистол стихотворных:

* Подготовка текста *Елены Глухой, Светланы Титаренко*; комментарии, приложения *Светланы Титаренко*.

Их любит община поэтов непокорных —
Отверстий всем дарам хранительных сосуд
Безвкусных новых мод, классических причуд.
[Л.2] На площадь выступил в одежде стародавней
Ей кажется подчас достойней иль забавней,
Иль Музы так велят — и, пыль стяхнув, убор
И ладит, и новит послушный бутафор.

*

Признаться, дорог мне завет старинной формы:
В ней речь певцов нашла естественные нормы,
В ней утвердилась, пройдя горнило дней;
И мысли новые [являются]³ нам кажутся верней,
Когда слова текут привычным, верным следом⁴:
Так верят юноше, коль он почтенным делом
Введен в совет мужей; — и сладостней кристалл
Кастальских вечных струй⁵, в Горациев фиал⁶
Зачерпнут вновь со дна: так гордым внукам люблю
На пиршестве друзей с темнеющего дуба
Заветных поставцов старинный кубок снять
И пьяной влагою тяжелой наполнять.

*

И справедливо нам молить у мертвых теней
[Л.3] Наследя красоты: ее творящий гений
Лобзает редко нас, мгновенья хладных чад.
Вкусить ли хочешь ты его живых отрад —
У старцев их ищи, в тех нежилых хорамах,
Где бродит робко взор на образах знакомых,
Вещающих без слов священный монолог:
Сам, полный ревности, ты исходил чертог,
Где Музы стройные поклонников чаруют
И память долую вкушенных нег даруют,
Где — Рубенс, дикий конь, полуночный вакхант⁷,
Корреджио радостный⁸ и сумрачный Рембрандт⁹,
Где сердце сладостно ваянья поражают
И в Олимпийский сон¹⁰, сияя, погружают.

*

Но скажешь ты: «К чему завет иных времен?
Не любит творчество предания престон!»